

А. В. Захаров

БОЯРИН И ПЕРВЫЙ СЕНАТОР
ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ МУСИН-ПУШКИН
НА СЛУЖБЕ И В КРУГУ СЕМЬИ*

Сподвижник Петра I боярин и третий российский граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин был известен современникам XVIII в. как умнейший и деятельный министр. Его правительственная стезя широко известна продолжительностью и широтой. Приказная и воеводская служба, руководство воссозданным Монастырским приказом, устройством школ и книгопечатания в двух российских столицах, управление Московской губернией¹ не исчерпывают опыт его государственной деятельности. На многих постах он был успешен, а его служебный вклад был высоко оценен пожалованием графского титула 18 июня 1710 г. Учреждая в 1711 г. Правительствующий Сенат, царь поставил фамилию Мусина-Пушкина первой среди «господ сенаторов» и никогда не лишил должности ближайшего советника. Менее известно многократное сопровождение Мусиным-Пушкиным царя в походах, надзор за дворцовыми вотчинами царицы Екатерины Алексеевны, забота о доставке книг царским принцессам, другим монаршим родственникам и самому Петру I во время второго заграничного путешествия.

В последние десятилетия изучение административной деятельности графа предпринимается в контексте истории рода Мусиных-Пушкиных и несколько уступает предпочтение давно известных биографических сведений. Со страниц популярных и научных изданий тиражируется «история» его якобы кровного родства с царской фамилией. Легенда зачастую выдается как явный факт без какой-либо критики и намека на позднее происхождение «биографической сенсации», возрожденной в XX в. Скудные данные о служебном становлении, частной жизни будущего сенатора предоставляют благодатную почву для распространения мифа о нем.

Первый из начальной когорты сенаторов обзавелся семьей, когда ему было далеко за 30 лет. Как известно, женой И. А. Мусина-Пушкина в 1690 г. стала Мавра Тимофеевна Савелова, родная племянница патриарха Иоакима (в миру – Ивана Петровича Савелова). Примерный возраст жениха можно рассчитать от года смерти его отца, стольника Алексея Богдановича в 1654–1655 гг.², которого, как видно, по завещанию он очень почитал (Прил. 1).

---

* Статья подготовлена при поддержке «Программы фундаментальных исследований» НИУ ВШЭ в 2015 г.

Согласиться с легендарной версией о рождении Ивана Алексеевича от якобы внебрачной связи царя Алексея Михайловича с Ириной Михайловной Мусиной-Пушкиной решительно невозможно и по другим причинам. Это в корне противоречит устоявшемуся в историографии образу царя Алексея Михайловича, лично чтившему церковные предписания семейно-брачной жизни. Делая допуски «оправданным» инстинктам монарха, мы должны расписаться в непонимании и непризнании императивов поведения, типичных для богобоязненного человека XVII в., каким видится царь по дошедшим до нас сочинениям и письмам. Невозможно представить и сочетание неведомых обстоятельств, выдвинувших на пост судьи Сибирского приказа в 1684 г. 13–14 летнего (!) юнца, если признать его рождением начало 1670-х гг. Приказные кадры правительства царевны Софьи черпались из круга совершеннолетних лиц. Известно и описание графа в 1721 г. как «старика высокого роста, но уже очень согнувшегося»³. Примеры из нескольких писем Петра I с теплым именованием Мусина-Пушкина «братцем» и «bruder» давно объяснены в литературе. Точно так же царь обращался даже не к «молочным братьям», а к близким по духу людям, например, к А. Д. Меншикову⁴. Другой фаворит, на три года старше «брудера Алексапки» А. В. Кикин, с легкой руки монарха стал величаться «дедом» и «Grotvader». «Брат» И. А. Мусин-Пушкин – это очевидное ироничное именование, повседневный отзвук общения участника «всепутейшей компании» и старшего графа, перешедшее на его сына Платона Ивановича – «царского племянника». Поэтому публицистская версия «первой боковой внебрачной» линии Романовых не выдерживает даже намек научной критики. Примеры возвышения всех фаворитов Петра I ясно подтверждают, что вхождению в число ближайших доверенных царя способствовали, прежде всего, личные качества, верная служба, находчивость, а не родственная близость.

Опубликованный послужной список И. А. Мусина-Пушкина⁵ формально отражает разносторонний опыт администратора, но не его первые шаги по служебной лестнице. Личная карьера придворного началась с утверждения на престоле царя Федора Алексеевича, который лишь через 11 месяцев после воцарения пожаловал находившегося в фактической ссылке боярина чином стольника. Это награждение по случаю Рождества Христова ничем не отличается от заурядных: 25 декабря 1676 г. он был пожалован не особой персоной, а в числе 12-ти стряпчих⁶. Новый чиновный скачок в продвижении к царскому двору представился Мусину-Пушкину в разгар перехода служилой знати на сторону правительства во время первого «Троицкого похода». 1 сентября 1682 г. он вырос до окольного⁷. Политическое чутье будущего графа проявлялось и позже, долгое время не изменяя ему. Только будучи политически лояльным царевне Софье, он мог быть назначен вторым судьей Сибирского приказа в 1684 г., а через три года «большим» воеводой в Смоленск. Смоленский период недооценен в служебной карьере Мусина-Пушкина. Пребывание вне Москвы во время правительственного переворота августа 1689 г., отстранившего царевну Софью, вероятно, спасло Ивана Алексеевича от недоверия «партии Нарышкиных». В то же время отдаленная служба не добавила шансов быстро войти в ближайшее царское окружение. Новым испытанием окольного становится астраханское воеводство, затяннувшееся с 1693 г. на семь лет.

Вдалеке от столицы Ивану Алексеевичу сравнительно быстро удалось добиться царского расположения. Удачной находкой оказалась доставка к дворцовому обиходу царей Ивана и Петра Алексеевичей 1500 астраханских арбузов⁸. Несколько царских грамот «с похвалою» окольного за радетельную службу и «тщание» в Астрахани в сочетании

с большой работоспособностью приблизили Мусина-Пушкина к заветному боярскому чину, а позже и к царскому двору. Также находит подтверждение в источниках и повод пожалования «чести боярства» 9 сентября 1698 г.⁹ за учиненную прибыль казне в 8135 руб. Это было последнее пожалование боярства в XVII в., возобновленное царем лишь через 12 лет. Объяснение чиновного взлета Мусина-Пушкина, не принадлежащего к родовитой боярской фамилии, кроется в талантах будущего графа. Только отчасти его возвышению способствовало родство с семьей патриарха Иоакима, умершего за восемь лет до боярства Ивана Алексеевича.

Служебный путь будущего графа может быть надежно реконструирован по документам делопроизводства, в которых повседневные заботы перемежаются с личной службой или заботой о сыновьях. Бесконечная череда меморий и сотен приговоров, хотя и завершенных подписью Мусина-Пушкина, лишена подробностей частной жизни. Аналогичная картина деяний коллег-сенаторов кн. А. Д. Меншикова, кн. Я. Ф. Долгорукого, П. П. Шафирова, представленная в сенатских бумагах, расцветчена записками современников и дипломатов. Иностранцы, не бывавшие в доме Мусина-Пушкина, ограничиваются упоминаниями о личности графа лишь на служебном поприще. Как администратор, по сведениям одного из дипломатов¹⁰, он не пользовался популярностью, которой, видимо, не способствовала его должность и освоенный за долгие годы примат царской службы над «партикулярными» делами.

Частная жизнь петровского вельможи не отделялась четкой гранью от служения государю, поэтому поиск свидетельств о служебной стезе оправдан в семейных бумагах, как и, наоборот, в служебных письмах можно ожидать отражение приватного начала. Из большого числа писем графа, сохранившихся в нескольких архивах, опубликовано несколько тематических подборок его переписки с Петром I, письма ближайших царских родственников и фаворитов к графу, светских и духовных деятелей первой трети XVIII в.¹¹ Практически все изданные письма Мусина-Пушкина отражают круг служебных поручений и лишь несколько наполнены беспокойством об устройстве судьбы старшего сына Платона. «Молчание» опубликованных источников о духовном мире чиновного человека порождает иллюзорные картины серой рутины или беспросветного давления административных тягот в жизни судьи приказа и сенатора.

Сохранившийся эпистолярный материал, сообщающий подробности о частной жизни, оказывается, также фрагментарен по набору писем и сохранности. Многие бумаги дошли с множеством механических утрат, поэтому значительная их часть не дает завершенную логику сюжетов. Первое беглое знакомство с остатками отдельных писем оставляет ощущение несопоставимых осколков информации, из которых редко просматривается несколько законченных фраз. Темы многих из них очень туманны. Тем не менее, знакомство с архивными делами в фондах РГАДА, содержащими переписку Мусина-Пушкина, приоткрывает несколько неизвестных страниц из жизни известного исторического деятеля и его домочадцев.

В качестве наиболее ценного источника для, казалось бы, бесперспективной реконструкции текста было выбрано духовное завещание графа И. А. Мусина-Пушкина (Прил. 1). Утрата фрагментов скорописи составляет шестую часть текста, но восстанавливается из контекста завещания и других сведений методикой подбора фрагментов, равновеликих утратам¹². Этот документ позволяет лучше понять биографию Ивана Алексеевича как частного лица и избавиться от наслоения легенд.

Очень вероятно, что Мусин-Пушкин принял за свою духовную под впечатлением двух похоронных процессий 1717 г. – после погребений царевны Натальи Алексеевны (17 ноября) и «князь-папы» Н. М. Зотова (6 декабря)¹⁵. Граф не пожелал оставить даже намек на светские погребальные «украшения», что мог сделать глубоко религиозный человек, чтивший церковный обряд. Завещание проникнуто идеей твердого сохранения православной веры. Только формально идея крепости веры отнесена на вторую позицию, однако уже первая заповедь раскрывает почитание «закона восточныя церкви» в заботе о погребении тела и помина душ. Отвлекающие от духовного наставления детей детали (даты памяти усопших, перечисления имений) вынесены в отдельные «рописи» и «письма»¹⁴. Лексика приверженца православной традиции не могла устоять от новин. Кажется, впервые в русских духовных появляются слова «тестамент», «реестр», выдающие опыт светских практик в жизни Мусина-Пушкина.

Посвящение духовной «оставшимся детям моим» не способно скрыть горечь нескольких семейных трагедий. Хорошо известна гибель сына Аполлоса в 1716 г., и менее известна в исторнографии кончина супруги Мавры Тимофеевны (октябрь 1715 г. – декабрь 1717 г.). Чета Мусиных-Пушкиных пережила потерю нескольких детей. За четверть века до завещания в грамотке матери окольного Ирины Михайловны Мусиной-Пушкиной¹⁵ (Прил. 2) упомянуты две ее внучки Авдотья и Анастасия, которых невозможно отождествить с известными в XVIII в. дочерьми И. А. Мусина-Пушкина – графинями Елизаветой и Клеопатрой¹⁶, поскольку известно лишь о рождении старшей из них в 1700 г.

По другому фрагменту письма с собственноручной припиской графини Мавры Тимофеевны обнаруживаются ее эмоции как человека властного, но справедливого. Недовольство и осуждение выплеснулись, вероятно, на невестку – супругу родного брата. Семья и родственники родной племянницы патриарха Иоакима состояли в активной переписке, поддерживали других родственников, из которых упомянуты А. А. Мусин-Пушкин (Прил. 1) и А. А. Савелов (Прил. 3). Родственная опора была особенно ценной при переселении в новую столицу тысячи семей «царедворцев» (обладателей московских чинов) по указу царя 1712 г.¹⁷ Даже небольшая подробность из письма Мавры Тимофеевны передает отношение сановников к этой сногшибательной петровской акции. Семья сенатора, привыкшая к московскому разносолу, с трудом привыкала к более скудной петербургской трапезе и нелегко адаптировалась к жизни в северной столице.

Похоронив супругу, граф И. А. Мусин-Пушкин заметно сдал, постарел, и, будучи больным, уже не ждал переезда в Москву, но такая возможность неожиданно возникла в 1718 г. Еще одна мечта старого графа выдавалась просьбами оставить рядом с собой сына Платона, исполнявшего царские поручения за границей в 1716–1720 гг. Видимо, после возвращения на родину молодой граф и составил обещание о соблюдении отцовской воли распределения наследства (Прил. 4). Время крутых перемен не помешало графу-сенатору добиться воссоединения с сыном, ставшему ненадолго помощником в московской Сенатской конторе. Из Москвы И. А. Мусин-Пушкин просил Екатерину I об отставке (Прил. 5), но в годы правления императрицы не имел шансов ее получить как надежный и исполнительный сановник. Скончался граф в Москве 21 июля 1730 г.¹⁸

Впервые публикуемые документы являются подлинниками. В круглых скобках, если иное не оговорено, воспроизводятся зачеркнутые слова, в квадратных – реконструируемые публикатором фрагменты.

1717 г., декабря, 24. — *Духовное завещание графа П. А. Мусина-Пушкина*

(Л. 307) Лета тысяча семсотъ седмаго на десять году декабря в четверть на десять день во имя отца и сына и святого духа азъ раб Божии графъ Иоаннъ Мусинъ Пушкинъ умыслихъ написать сеи тестаментъ или ду[ховную] оставшимся детемъ м[оим гра]фомъ Платону[и Е]пофрод[иту, гра]финямъ Елисавети и К[леопатрии].

Первое заповедью вамъ [детемъ] моим, егда благоволятъ [Богъ разлучить ду]шу мою от тела тогда погребите, а не дома буд[е] умру в той стране при церкв[и ...¹⁹] [...²⁰ бес в]сякой церемонии свецкой и н[е...] [...²¹]ъ никокова украшения не[чините, могилу] равно з землею учините и помян[ите меня по з]акону святые нашея восточныя церкви [и о]д[но]ж со мною да поминаете отца моево Алексея Богдановича и мать мою Ирину Михайловну, и сожителницу мою, а свою мать графиню Мавру Тимофеевну також испротчахъ родителей моихъ [ко]гда по комъ [т]ворить память и т[ому о]с[та]вляю [ре]с[т]р[ь] писанъ моею рукою.

[В]торое [заве]щаю вамъ веру православную твердо [сохран]ити якоже церковь святая восточная [по]велеваетъ никакимъ ухищреннымъ [б]аснямъ противъ церкви нашеи неимитя [в]с[е]ры, но твердо держите якоже научении православней веры.

Третье завещаю ж вамъ, да любите другъ друга, якоже повеле Христось Богъ, ащели небудеть между вами любви то и Богъ не будетъ с вами. Писано бо есть, идеже любовь, тамо и Богъ. Но вы крепко памятуя²².

(Л. 307 об.) и держите между собою любовь.

Четвертое всем недвижимымъ и движимымъ именнемъ моимъ да будет наследникъ сынъ мой графъ Платонъ, а что довать ему Платону за движи[мое] имении брату своему графу Епофродиту [и что до]вать сестрам своим графинямъ [Елисавети]и и Клеопатрии тому остаютца [писма п]исанные моею рукою, а ежели т[ому он]ъ не п[охочет] по той росписи до[вать младш]ему и сестрамъ отдать и вт[ом суди] ж тебя праведны и нелице[мерныи Бо]гъ яко приказания моего не[в]ыполня[ти] и от бещания своего содерж[ать ...²³] не буди благословение мое на[...²⁴] в писме том не тяжко писано [...²⁵] есть наличное имения моего.

А ежели повеление мое по темъ писмамъ исполнишь, то буди с т[обои] милость Божия и мое благословение во век[и, а] ежели у тебя не будетъ детей то р[одителс]кия вотчины села угод[ья] з деревням[и м]ожаискихъ сель и под Мос[квою] вотчинъ ни[ка]кими мерами жене своей д[а] не укрепить, но оставь в род брату своему бе[...²⁶] сестрамъ, а ежели у тебя дети будутъ[в] то все вотчины да будутъ тебе и дет[ямъ] твоим, а долги мои кобалные и бескобалн[ые] платить тебе сыну моему Платону, а что остаетца бескабалных долговъ и тому роспис[ь] оставлена моею рукою писана, а хо[...²⁷]цовое конечно отдать Алексею Андрееву [сы]ну Му

(Л. 308) сину Пушкину. К сеи духовной графъ Иванъ Мусинъ Пушкинъ руку прило[жилъ]. У сеи духовной подполковникъ Ти[мо]фей Тимофеевъ сынъ Савелов свидетлем(!) был и руку приложилъ²⁸. У сеи духовной полковникъ Петръ Тимофеевъ сынъ С[авелов] свидетелемъ был и руку прил[ожил].

Санктъ Питер бурхской гу[бернской канце]лярии подьячел Иван Черемин[...²⁹].

Декабря въ 14 день по указу великог[о государя] тестаментъ то есть духовная в [Санктъ] Питер бурхской губернской канцелярии [кре]постных дел перечнем в книгу записана. От писма и от записки и за излишние две страницы писма восемь алтын[ъ] бес[с] третьи денга взяты и в приходную книгу д[екабря] 14-го числа записаны. А о свидетельстве о совершенной записке бить челом и пошлины платить, где по указу надлежит в указные числа, а буде она в указные числа [о]свидетельствона и зап[исан]а не будетъ и она не в крепость.

Подписал [надсм]отрщикъ Иванъ Трунилов³⁰.

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 307–308. Подлинник³¹. Гербовая бумага

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1692 г.(?), сентябрь. – Грамотка Ирины Михайловны и Ивана Алексеевича Муситых-Пушкиных к Мавре Тимофеевне Мусиной-Пушкиной

(Л. 157) От Арины Миханловны свету моеи невестушке Мавре Тимофеевне и светом моим мнучатамъ (!) Автотье Ивановне, Настасье Ивановне. От меня вамъ благословение, а про нас похочете ведать, и я, и Иванъ Алексеевичъ в походе во Аляксандровой слободе по сю грамотку, дал Бог, до воли Божии, а как от Троицы поехала во Александрову слободу и в слатине³² схватила болезнь, училась такжо, как и на Москве таска и рвота ис после того горло стала болеть, чють не скончалась. Хотела к Москве воротитца, да мочи моеи не было, наслуу во Александрову слободу довели. (А хотя моленка) Хотя малое будет полехче тотчасъ поеду к Москве. А с сею до остатк[у]³³, светы мои сокрушилась о том, что Вас не вижу (и слышу что) и про здорovie ваша не слышу. Великие государи Покровъ возмут здесь во Александровой слободе, а мне хотя моло полехче будетъ и я напереть буду к М[оскве] о]жидаячиси праздника. А от тоски мне полехче [и] толко горло болить, потому светы мои быть милости Божией и мое благословение и пишите светы мои о своемъ здорovie есть ли кашлю вашему полехче.

Мавра Тимофеевна здравьствуи з Дунюшкаю и с Настенкою, а ко мне, свет, пишите о здравии своемъ, а я милостию Божия жив. За то [от]пиши Тимофеевна, есть ли детем от каш[ля] свободнее, а отпиши с тем же, хто сие писмо пр[инесет]³⁴.

(Л. 157 об.) Свету моеи невестушке Мавре Тимофеевне.
РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 157–157 об. Подлинник

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

1715 г., сентября 30. – Письмо графини Мавры Тимофеевны Мусиной-Пушкиной к брату Петру Тимофеевичу Савелову³⁵

(Л. 369) <...> Что мы пили и ели, то и ваша ж [се]въ за одним столом, хотя бы государь мой какое и недовольство было, однакож не надобно такъ поносить. Изволишь ведать, что здесь еще новое место и не такъ мы трапезою нашею доволны какъ на Москве. (Недивно).

(Л. 369 об.) <...> кончанию токмо вы изреченное по нем [оно] достоинно есть немалому удивлению.

Сестра ваша Мавра Мусина Пушкина

Сентября 30-го дня 1715-го году. В Санктъ Петерь Бурхе.

+³⁶ Прикажи государь ему³⁷ жить у брата, а у насъ жить ему будетъ неугодно.

(Л. 370) +: Не такъмо от вашей милости, но и дура бездельная баба и та нас поносить, мы у ней горшков не пребили из ставца, (чеснок) чесноковыхъ штей не выли. А что племянникъ ее, купили краденые часы, и в том он будетъ отвечать впредь. Мне дивно Тимофею³⁸, что даль волю дуре. Увидим какъ здесь будетъ жить.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 7 а. Л. 369–370. Подлинник. Черновик

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Не ранее 1720 г. – Фрагмент записи обещания графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина

(Л. 309) <...>³⁹ росписи писана рукою отц[а мое]го и мне графу Платону, и жене моеи, и детямъ (и до коихъ мечь будетъ линия моя и ево брата моего)⁴⁰ все то исполнять, что в росписи написано кому, что повелено давать, и отдамъ, а буде я, графъ Платонъ, по сей записи, и жена моя, и дети, и внучата, и хто будетъ линией моеи, в чьемъ не устою и по росписи не стану давать, и не отдамъ, хотя малого чего, и на мне графе...⁴¹

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 309. Подлинник

1726 г., июнь. Челобитная графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина

(Л. 173) Всепресветлеишая державнеишая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна самодержица всеросийская.

Бьет челомъ тайный действительный советникъ графъ Иванъ Мусинъ Пушкинъ, а о чемъ мое челобитье тому следуютъ пункты.

1. Служилъ я блаженный и высокославный памяти его императорскому величеству и вашему императорскому величеству при правлении государственныхъ делъ болши сорока летъ.

2. А ныне уже старость моя пришла и болезными отяхченъ, о чемъ и вашему императорскому величеству извесно, от чего ныне мочи моеи нетъ вашего императорского величества дела управлять.

3. Того ради ваше императорское величество всенижайше прошу по высокои своей милости пожаловать мя раба своего за старостию и за болезнями от всехъ делъ мя милостивно уволить и для лечения болезней моихъ быть в Москве понеже лечюся от дохтура Быдлы⁴², а для смотрения моихъ деревень уволнить мя и при мне сына моего графа Платона на годъ.

(Л. 173 об.) 4. Всемилостивейшая государыня императрица Екатерина Алексеевна призри на мя раба своего и милостивно по моему прошению мя раба своего помилуй. Вашего императорского величества всенижайши рабъ. Графъ Иван Мусинъ Пушкинъ⁴³.

Июня день 1726 году.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 83. Л. 173–173 об. Подлинник

¹ И. А. Мусин-Пушкин управлял Монастырским приказом до 1713 г. включительно в связи с окончательным переездом Сената в Санкт-Петербург; с 1725 по 1727 г. управлял Москвой в должности первоприсутствующего Московской конторы Сената.

² Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2008. Т. 2. С. 251.

³ Берхгальц Ф.-В. Дневник камер-юнкера // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 160.

⁴ Богословский М. М. Петр Великий по его письмам // Богословский М. М. Российский XVIII век. Кн. 1. М., 2008. С. 202.

⁵ Серов Д. О. Администрация Петра I. М., 2008. С. 238, 239. В «Описании служб» графа чин отца преувеличен. А. Б. Мусин-Пушкин был стольником царя Алексея Михайловича.

⁶ В боярском списке 1676–1677 гг. напротив его имени помета о дворовладении «436 за матерью и за ним». РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. Л. 268.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 7.

⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 110–111.

⁹ О пожаловании боярского чина Мусин-Пушкин узнал в Астрахани. Напротив имени в боярском списке 1698–1699 гг. отмечено:

«В Астрахани». РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 43. Л. 3.

¹⁰ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 435.

¹¹ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Письма современников к боярину И. А. Мусину-Пушкину (1704–1711) // ОдиБ МАМЮ. Кн. 8. Отд. 2. М., 1891. С. 149–177; Брюханова Г. В. «Управляй, не мешкав, о печати книг...» (Переписка И. А. Мусина-Пушкина с Ф. П. Поликарповым) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 73. М., 1996. С. 219–233.

¹² Другой публикуемый документ (Прил. 3) был реконструирован аналогично.

¹³ Походный журнал 1717 г. СПб., 1913. С. 36.

¹⁴ В архивном деле не сохранились.

¹⁵ Мусина-Пушкина Ирина Михайловна – мать И. А. Мусина-Пушкина скончалась около 1702 г.

¹⁶ Графиня Клеопатра Ивановна – (ум. в 1734 г.) была выдана в 1721 г. замуж за кн. Ю. Н. Репнина (1701–1744), сержанта гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, получившего в приданое 10 000 рублей, в 1722 г. и не могла быть значительно старше 20-летнего мужа.

- ¹⁷ ДПС. СПб., 1883. Т. 2. Вып. 2. № 658. С. 100–112.
- ¹⁸ *Холмогоров В. II., Холмогоров Г. II.* Исторические материалы о церквях и селах. XVI–XVIII ст. М., 1868. Вып. 6. С. 74. Благодарю И. В. Кущова за указание источника.
- ¹⁹ Не менее 8 знаков.
- ²⁰ Не менее 5 знаков.
- ²¹ Не менее 9 знаков.
- ²² Внизу страницы справа помета: от писма и о[*т записки*].
- ²³ Не менее 9 знаков.
- ²⁴ Не менее 8 знаков.
- ²⁵ Не менее 7 знаков.
- ²⁶ Не менее 2 знаков.
- ²⁷ Не менее 4 знаков.
- ²⁸ Данное предложение и три последующих – подписи-автографы.
- ²⁹ После фамилии следует механическая утрата части листа (возможно, без текста) около одной трети строки.
- ³⁰ *Трунилов Иван Петрович* – надсмотрщик Санкт-Петербургской губернской канцелярии крепостных дел.
- ³¹ Водяной знак на Л. 307 – «герб Амстердама» (львы на постаменте), контрамарка на Л. 308 едва различима и частично утрачена.
- ³² Чтение слова неуверенно.
- ³³ Чтение начала предложения предположительно.
- ³⁴ Данный абзац – собственноручная приписка И. А. Мусина-Пушкина.
- ³⁵ *Савелов Петр Тимофеевич* (1672–1737) – стольник, в 1702–1704 гг. – воевода в Можайске, в 1708–1714 – генеральс-адъютант Б. П. Шереметева, участвовал в блокаде Риги, полковник с 1715 г., судья дворцового суда (1714), член Верховного суда над царевичем Алексеем (1718).
- ³⁶ От знака вставки до конца предложения и следующий лист – приписка-автограф М. Т. Мусиной-Пушкиной.
- ³⁷ По отрывочным фрагментам письма, в которых встречаются имена и указаны степени родства, вероятно, Алексей Афанасьевич Савелов (ум. в 1758 г.) – родной племянник М. Т. Мусиной-Пушкиной, в 1721 г. – ученик Морской академии.
- ³⁸ *Савелов Тимофей Тимофеевич* (1668–1741) – стольник, генеральс-адъютант А. А. Вейде (1700), поручик, в 1702 г. вместе с думным дьяком А. И. Ивановым в «низовых городах» и Симбирске набирал для отправки в Азов «вольницу», разыскивал беглых солдат, с 1703 г. – флигель-адъютант Б. П. Шереметева, подполковник с 1709 г., около 1711 г. определен в канцелярии Шереметева «для доношения по письмам» в Сенат.
- ³⁹ Начало фрагмента левой стороны листа в 5 строк, края которых отмечены делителем: всехъ | ... имени | ... дать | ...примо и тому |.
- ⁴⁰ Скобки в ркп. Родной брат – Эпафродит Иванович (ум. в 1733 г.).
- ⁴¹ Лист с окончанием текста в архивном деле отсутствует.
- ⁴² *Бидлоо Николай* (около 1670–1735) – голландец, придворный царский врач.
- ⁴³ Подпись-автограф И. А. Мусина-Пушкина. День не указан.